

*Бруно Карара. Дракон и драгоценная
семья*

Александр Бережной

Александр Бережной

**Бруно Карара. Дракон
и драгоценная семья**

«Автор»

2026

Бережной А. В.

Бруно Карара. Дракон и драгоценная семья / А. В. Бережной —
«Автор», 2026

В Адри-Атике затерян остров Сансего. Говорят, на этом острове жил когда-то веселый парень Бруно Карара. Ещё говорят, что на самом деле не было на том острове никакого Бруно Карары, зато был дракон. Иные скажут, что всё это враки, и расскажут об оберст-генерале Гюнтере фон Хальберштадте, легендарном Серым Жнецом, что любил отдыхать на острове. Спросите любого на Сансего, и каждый расскажет свою историю. Спросите, если сможете найти тот остров хоть на одной карте.

© Бережной А. В., 2026

© Автор, 2026

Александр Бережной Бруно Карара. Дракон и драгоценная семья

Маленькая, тесная даже для человека, мастерская на окраине города. Воняет маслом, порохом и почему-то карболкой.

За столом сидит старый оружейник, лет шестидесяти, с усами, седыми, как и остатки волос на голове. Дедал.

Давно мы с ним не виделись. С тех самых пор как... ладно, не до печальных мыслей сейчас.

Иди ко мне, моя хорошая.

С сёстрами этой красотки ходили охоту мой дед.

Ходил и мой отец.

Ходил и я.

Ischlerstutzen – это признак благородства.

Ствол – матово-чёрный, без блеска. Воронение не для красоты – для того, чтобы ни один отблеск не выдал в ночи.

Ложё – из тёмного ореха, инкрустированное серебряной нитью.

Затвор – переломный. Открывается одним движением и патрон 9.3×72R вставляется в патронник с мягким, почти бесшумным щелчком.

Прицел – отсутствует. Теперешнему мне в нём нет нужды.

В комплекте – поясная сумка из тёмной кожи. Всего на пять патронов. Я всё-таки охотник, а не убийца.

Три коробки с патронами. По десятке в каждой.

- Mamma mia! Если ты хочешь с ней уединиться – я могу предложить тебе каморку. – проскрипел Дедал. – За отдельную плату.

Дедуган, как и почти все местные, страдал странной болезнью: когда их рот открывался не для выпивки или еды, то из него доносилось что-то, что можно было счесть оскорблением, или что-то имеющее отношение к женщинам и к деньгам.

И эти их словечки... неужели нельзя на всеобщем говорить, без этих вот словечек?

- Che bello! Очень красиво. Очень дорого. Но для воздушного боя? Macché! Это штуцер для охоты на оленей, которые стоят на месте и ждут, пока ты прицелишься! Dio mio!

Дедела не очень-то волновало – слушаю ли я его или нет.

Наверное, вздумай я сейчас уйти, он так и продолжил бы говорить.

- Тебе нужна Beretta M1918/30! – на стол, служивший прилавком, легла самозарядная винтовка. – Короче, удобнее. Магазин на двадцать пять патронов. Патронов, замечу, которые в любой оружейной лавке достать можно, не то что твой 9.3×72R.

Говоря, дедуган непрерывно жестикулировал.

Я всё никак не мог привыкнуть в этой манере местных вести разговор.

Интересно, если ему сейчас связать руки – сможет ли он хотя бы одно слово из себя выдать?

- И ложё из ореха? Красиво, bellissimo. Но в сырости дерево разбухает. Ты ж на острова его потащишь. Твой приклад рассохнется через месяц, и ты будешь стрелять, как... как старуха из окна! Тебе нужно железо! Сталь! Или алюминий! Посмотри на Moschetto Mod. 91, - Дедал выложил ещё один из заготовленным им стволов, - да, он выглядит грубо, но он будет стрелять в грязи, в снегу. Везде.

Нет уж, спасибо.

Хватит с меня местного колорита.

Bodeo M1889... мало того, что мелкий, так его пуля только деревянную обшивку пробить и могла, а от двигателя, так и вовсе отскакивала... ладно, это револьвер, ладно... но была ж ещё Schmidt-Rubin M1889... винтовка... метра полтора длинной... я из-за неё чуть не убился... несколько раз... и это если не вспоминать тех ружей, что мне местные стариканы притащили... да там даже колесцовое оружие было... и пулемёт Villar-Perosa M1915... пулемёт... вот, что у них в голове?

- Я ж к тебе как родному. Ну что ты морду свою корчишь? Ты ж и так у нас не красавец. Вот тут, пожалуй, соглашусь.

Не красавец.

- Говорили, что у тебя и стрельбище есть. Хотелось бы винтовку в деле посмотреть. – прервал я дедугана.

- Обязательно. Этим хайльбергским умельцам никакой веры нет.

Комментировать я не стал.

С местными вообще лучше особо не говорить, иначе они могут подумать, что тебе интересно их мнение, а тогда всё: день насмарку. Поволокут тебя куда-то там нальют, познакомят с дюжиной-другой людей, чьи лица-имена тут же сотрутся из памяти, опять куда-то поташат, опять нальют, потом перезнакомят со всей семьёй-соседями. И сильно будут обижаться, если у тебя дела и тебе уйти надо.

Ничего удивительного, что война для них закончилась, тем, что уже, спустя каких-то два года иначе, как Vittoria Mutilata, Искалеченная победа, и не называется.

Внутренний двор с натянутыми верёвками, на которых висело всё от постельного белья до трусов, и неровными кругами, намалёванными на стене, оказался тем самым стрельбищем.

Но стрелять я смог после того, как Дедал поругался с толпой каких-то женщин, которым стрельба мешала спать (почему она могла им помешать, ведь они не спали, я не понял), также от запаха порохового дыма у них начинались страшные приступы кашля (что не мешало некоторым из них курить), сушащееся бельё так только на выброс после того, как рядом постреляют, а ещё такое страшилище, как я, если детёнка их не подстрелю, так запомню и ночью утащу (я ж – драго, значит, а детишек по ночам таскаю, хотя, как я знаю, драконы если кого и воровали, так девиц, красивых, на которых их голопузики не сильно и походили).

Стрельба показала: штуцер стоил каждого дня, что мне пришлось его ждать, каждой монеты, потраченной мной.

Нацепил новенькую сумку на пояс. Разместил в ней патроны. Пять штук. Проверил, легко ли достаются. Идеально.

Один зарядил в винтовку, которую разместил на нагрудном креплении.

Оставшиеся патроны рассовал по обеим набедренным сумкам.

Попрыгал.

Один ремень подтянул. Другой чуть расслабил.

Ещё раз попрыгал. Подтянул обратно тот который расслабил.

Крылья расправил: ни за что не зацепился, значит, можно не возвращаться на улицу, а взлетать прямо со двора.

- Maledetto! Полеты над городом запрещены.

- Это вам, людям, запрещено. Я – дракон, меня ваши запреты не касаются.

- Stupido di latta ты, а не дракон.

В ответ я и, хлопнув крыльями, рванул в высь.

В Карло Монти, конечно, меня засекли.

Подняли дежурное звено.

Два Ansaldo A.1. Balilla. Бипланы, что появились ещё в самом начале войны. Одни из немногих самолётов, которые венделорцы сами разработали. Быстрее многих, но имеющие проблемы как с маневренностью, так и обзором.

Не спешу. Больше, парю, чем машу крыльями. Пусть догоняют.

На дистанции метров триста резко перехожу в вертикальный набор высоты.

Бипланы, преследуя, тоже идут вверх.

Двигатели ревут.

Моё сердце бьётся чаще, вспоминая этот чудесный звук.

Поглядываю на свой высотомер.

Две тысячи.

Две с половиной.

Три!

- Immelmann!

Переворот, почти на месте, не складываю крылья на секунду дольше, чем нужно.

Наслаждаюсь видом двух беспомощных бипланов подо мной.

Как же им повезло, что теперь мы вроде как на одной стороне.

Складываю крылья, и камнем – вниз.

Проношусь мимо.

И тут же раскрываю крылья, ведь замечаю, что винт левого биплана, резко потеряв баланс, начал разрушаться, передавая всю свою колоссальную вибрацию на корпус машины.

Вижу глаза пилота – он уже понял, что происходит, но исправить ничего невозможно.

Выполняю fassrolle, вращение вокруг продольной оси, называемое местными – бочка – нужно убедить, что я не ошибся.

Биплан начал «скакать и биться» в воздухе, а затем фюзеляж переломился прямо за кабиной, после чего крылья оторвались, не оставляя пилоту ни единого шанса.

Я столько раз видел это.

Биплан, только что бывший целым, теперь распадается на части, как хрупкая игрушка.

Двигатель, с кабиной пилота, падает быстрее всего – кувыркается, вращается, но в основном падает носом вниз из-за тяжёлого двигателя.

Крылья кружатся, как сухие осенние листья, закрученные ветром.

Хвостовая часть кувыркается, и в этом кувыркании есть что-то почти танцевальное.

Человеку осталось меньше минуты, и секундная стрелка моего хронометра отмеряет последние мгновения его жизни.

- Scheiße!

Срываюсь вниз.

Сквозь ошметки того, что было машиной.

К пилоту.

Разрываю когтями сапоги – мне нужно чем-то зацепиться за фюзеляж.

Сразу же сложил крылья – такой нагрузке им не выдержать.

Нет времени возиться с ремнями – срезал одним ударом.

Вцепился когтями в пилота. Где-то прорезал кожаную куртку, одетую на него. Не важно, не времени.

Отталкиваюсь от остатков машины.

Вновь расправляю крылья.

Суставы, сухожилия, так и кричат, что я сделал очередную глупость.

Ну и пусть – я знаю, они выдержат.

Они выдержат, ведь это мои суставы, мои сухожилия, а не какое-то там металл, дерево и парусина.

Не машу крыльями.

Мы просто парим вниз.

Крик пилота у моего уха.

Этот поганец поминал механиков базы и меня – гадов, из-за которых он чуть не сдох.

Очень эмоционально поминал, в результате чего узнал я о том, что мы с механиками в некотором роде родственники, а сам пилот по возвращению на базу тоже собирается породниться с механиками, при чём тем же образом, согласно которого мы с механиками уже состояли в родстве.

Он, похоже, совсем не отдавал себе отчёта в том, что я всё ещё могу его отпустить.

Всё же венделорцы слишком эмоциональны.

Слишком.

Садимся мы на поляне.

Я выпускаю пилота из когтей у само земли. Он падает на траву и наконец умолкает, начиная щупать траву, видимо, ещё до конца не веря, что жив остался.

Я пролетел ещё немного.

Сел.

Тело гудит, крылья чуть дрожат. Всё же я дракон, а не тягловое животное, чтоб на себе людей таскать. Но это мелочи – главное – нагрев почти в норме. Сейчас похожу с раскрытыми крыльями, чтобы быстрее остыть, и опять можно лететь.

Слышу. С дороги. Рёв двигателя.

Второй биплан садится прямо на дорогу, поднимая столб пыли. Пилот рулит, как водитель грузовика по горной дороге. Шасси дергается, слышится хруст, и машина заваливается на левое крыло.

Двигатель ещё не заглох, а пилот уже идёт ко мне.

Не идёт.

Бежит.

- Porca puttana! – орёт он. – Ты мне новичка чуть не угробил!

- Сходи к доктору, сержант, у тебя что-то с глазами, если ты не видел: я вообще-то, как раз спас твоего новичка.

- Да пошёл ты! – похоже он утратил говорить не криком.

- И пойду, а ты, сержант, попроси своего новичка, когда он от механиков будет возвращаться, прихватить от них смазку: когда твоё начальство узнает, что один самолёт разбился, а второй нуждается в ремонте, при этом нарушитель сбежал, тебе она понадобится.

- Бруно, ты ещё большая свинья, чем о тебе говорят!

- Сержант, ты всё же сходи к доктору: нельзя с таким зрением лезть в кабину самолета.

- Да пошёл ты!

- Из смазок, сержант, рекомендую – Graphitfett. И не бери Kugellagerfett – она не рассчитана на сильное трение, а оно тебя ждёт.

- Да пошёл ты!

Вот и спасай таким потом.

Сапоги жалко.

Под заказ шиты.

Два часа лёту, не лёту даже, парения, неспешного, наслаждаясь морем, купаясь в солнечных лучах, то поднимаясь ввысь на воздушных потоках, то опускаясь вниз, когда кажется, что протяни руку и можно коснуться гребня волны, и на горизонте появляется С'ансего. Забытая жемчужина Адри-Атики.

В отличие от соседних островов, С'ансего практически полностью состоит из песка, покоящегося на известняковом основании, которое вырываясь вверх, на западе образует скалы. В тех скалах спрятано моё убежище, но сейчас я лечу не туда, а в сторону песчаного пляжа и Сан-Ферро.

База вооруженных сил Венделора, строительство которой с началом войны была остановлено, как-то сама собой стала городком Сан-Ферро, что в переводе с местного значит Святая Ржавчина, а сам остров вернулся в руки тех, кому принадлежал все века до того: в руки контрабандистов и пиратов, к которым после заключения мира, присоединились ещё и ветераны всех противоборствовавших сторон.

С недавних пор стали мелькать и авантюристы всех мастей, охотники за головами и простые искатели славы.

На С'ансего были рады всем.

Казалось бы – эта безумная мешанина, помноженная на характер местных, должна была довольно быстро закончиться знатной такой резнёй, но нет.

Причина крылась в ведьме.

В Циррее.

Мало кому хотелось превращаться в свинью, поэтому конфликты старались разрешать без кровопролития.

На моей памяти ещё никто не был превращён Цирцеей в свинью, но почему-то все продолжали в это верить.

Местные-то ладно – они вообще странный народец.

Так и приезжие почему-то довольно быстро начинали верить в подобные байки.

В Гротта делла Мага Цирче, как обычно, яблоку некуда было упасть.

Ничего удивительного, ведь «Грот волшебницы Цирцеи», как уверяют местные, - лучшее заведение на острове.

У венделорцев странное представление о лучшем.

Шумно.

Тесно.

Накурено.

Из хорошего: выпивка и кормёжка для меня там бесплатные, а в обслуге сплошь красивые девушки.

Ну и завсегда-таи, так почти все меня знают, но тут я не до конца определился – относить это к недостаткам или преимуществам заведения.

Вон Роберто, Роберто Манчини, или как местные его кличут – Il Falcone – Сокол, в который раз рассказывает о том, как ему удалось одолеть обер-лейтенанта Гюнтера фон Хальберштадта, хайльбергского аса.

Эта история, как и история о свиньях Цирцеи, всегда пользуется популярностью, и каждый рассказывает её на свой лад.

У меня тоже есть своя версия истории о том, как погиб обер-лейтенант Гюнтер фон Хальберштадт, прозванный сослуживцами Der Graue Schnitter, Серый Жнец.

Я летел на высоте трёх тысяч, когда заметил их.
Три точки на фоне облаков.
Balilla.
Обычный патруль, но на моём Fokker Dr.I не оторваться от них.
Мне просто не повезло.
- Gut. – прошептал я, поправляя шлем.

Двигатель ревёт.
Первый Balilla идёт прямо на него – лобовая атака. Классическая ошибка. Немец ждёт. Сто метров. Восемьдесят. Пятьдесят.

Ухожу вверх – резко, почти вертикально. Halbkreis. Полупетля. Он проскакивает подом мной, пули свистят там, где был мой Fokker Dr.I секунду назад.

Переворачиваюсь переворачивается на спину и оказывается прямо у венделорца на хвосте.

Он видит кабину. Не ожидал такого маневра.
Очередь. Короткая. Четыре пули. В двигатель.
Balilla дёргается. Винт чихает, и дым вырывается из-под капота.
Противник наклоняет самолет – уходит из боя.

Второй заходит слева.
Вижу его краем глаза – пытается зайти в хвост.
Жду. Приближается. Двести метров. Сто пятьдесят.
Fassrolle!
Резко ручку вправо.
Самолет начинает вращаться вокруг своей оси – раз, два, три. Земля и небо меняются местами. Венделорец теряет цель из виду.

Выхожу из бочки и оказывается сбоку. Противник проскочил мимо. Идеальный момент.
Очередь – в двигатель.
Капот начинает дымиться.
Второй готов.

Третий не новичок.
Он не лезет в лобовую. Он не пытается зайти в хвост. Он просто держит дистанцию.
Вижу его в зеркальце. Тот держится чуть выше и сзади. Идеальная позиция.
Пробую уйти вверх. Balilla, имея лучшую скороподъёмность, легко повторяет манёвр.
Пробую нырнуть. Венделорец следует за мной.

Пробую бочку. Не клюёт. Он видел этот манёвр. Он знает, что бочка уводит цель на мгновение, но затем самолёт останавливается в той же плоскости. Он просто ждёт.

Двадцать секунд. Тридцать. Сорок.
Немец понимает, что проигрываю. Я теряю высоту. Теряю скорость.

Противник даёт очередь. Трассеры проходят слева. Уклоняюсь, но теряют ещё полсотни метров высоты.

Венделорец снова стреляет. Снова уклонение. Потерял ещё полсотни метров.

Мы уже не трёх тысячах, на полутора.

Смотрю в зеркальце. Тот всё ещё там. Ждёт.

Abschwung. Пикирование с разворотом.

Ручку от себя. Самолет сваливается в крутое пике. Земля приближается со страшной скоростью.

Он бросается в погоню.

Ухожу в пике. Двигатель ревет на пределе. Скорость растёт.

Жду.

Сто метров до земли. Восемьдесят. Шестьдесят.

Ручка – на себя.

Машина дергается, перегрузка прижимает меня к сиденью. Крылья скрипят, их каркас содрогается от нечеловеческой нагрузки.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, проходя над самыми верхушками деревьев. Земля рядом.

Вижу противника.

Balilla проскочил мимо.

Я оказываюсь у него на хвосте.

Почти нажимаю на гашетку.

Треск.

Вибрация.

Перевожу взгляд влево. На крыло. Ткань начинает отрываться, обнажая деревянные рёбра. Расчалки лопаются с металлическим звоном.

Я знаю этот звук. Я слышал его в боях, когда вражеские самолёты разваливались в воздухе.

Пытается выровнять самолёт, уменьшить нагрузку. Бесполезно. Крылья уже повреждены. Вибрация нарастает – она переходит на фюзеляж. Чувствую, как хвост начинает ходить ходуном.

Вибрация нарастает.

Расчалки лопаются одна за другой.

Ткань крыльев разрывается в клочья.

Левое крыло дергается – ещё мгновение, и оно оторвётся.

Отрывается.

Самолёт переворачивается.

Фюзеляж начинает разрушаться – дерево трещит, ткань свистит в воздухе.

- Тебе проиграл не я, а эта машина! – успеваю проорать я.

Это единственное, что мне остаётся.

- Бруно. – заметив меня, перекрикивая общий шум, орёт Мончини.

Рукой машет.

Машу ему рукой в ответ и иду дальше, к стойке.

Сделаю вид, что не понял, что меня за стол приглашают: опять будет трепаться, либо убеждая меня в том, что abschwung Гюнтера изначально был обречён, не предназначен Fokker Dr.I для таких нагрузок, что ещё терпимо, ведь я с этим почти согласен, либо, что куда хуже и бывает куда чаще, начнёт рассказывать о своих многочисленных родственниках.

У них, у этих родственников, постоянно что-то происходило. Кто-то на ком-то женился, разводился или изменял. Кто-то умирал, кто-то рождался. У кого-то случился прыщ на носу, а у кого-то большой урожай помидоров. При чём всё это и прыщи, и рождения-смерти, как я понял, для Мончини имели одинаковую важность. И, как это не странно, высокую важность. На столько, что этой информацией непременно нужно было поделиться с окружающими. А если уж среди этих самых окружающих находился кто-то из местных (а они к несчастью были тут на каждом шагу), так тот непременно припомнит, что у его тётки было тоже самое, а после она умерла... или родила... или ничего не случилось, но и об этом всё равно необходимо непременно рассказать.

Розалинда – женщина во всех отношения приметная.

И мягко говоря выдающихся форм находившаяся сегодня за стойкой, когда я всё же добрался до неё, в неуловимое мгновение распалась на двух девчушек лет двадцати – Розу и Линду, отчего-то уверенных, что никто не может отличить одну от другой.

- Бруно, а мадам сказала тебе больше не наливать. – радостно сообщила Роза, Линда же продолжила работать.

- Так пусть не беспокоится, я себе сам налью. – успокоил я девушку и, перевесившись через стойку, подхватил две бутылки.

Поставил на стойку перед собой.

Одним движением открыл крышку, отбросил в сторону. С надеждой, что она в кого-то попадёт.

Раскрыл пасть, опрокинул бутылку.

Подождал пока содержимое вольётся в меня.

Положил руку на вторую бутылку, вознамерившись и с ней повторить тоже самое, но Роза тоже ухватила за бутылку:

- Бруно, это ж Vecchia Romagna... возьми что подешевле, тебе ж всё равно, что пить...

Конечно, мне всё равно, что пить, ведь с тех пор как стал драконом, я утратил способность пьянеть, но тут вопрос в другом.

- Например, три бутылки апероля? – подмигнул я ей.

- Вообще-то я предпочитаю негрони. – сделала обиженное личико Роза.

- Негрони предпочитает Линда. – не поддался я на обман и разжал пальцы, позволяя забрать дорогой коньяк.

Роза поспешила отвернуться, вроде как чтобы поставить бутылку на место, но от моих глаз не укрылось: девчушка сияла.

- Значит, три бутылки апероля?

- За счёт мадам Цирцеи. – кивнул я.

- И чего-нибудь пожевать?

- И чего-нибудь пожевать.

Грот я покидал с Розой на плече и корзиной руке, под успевшие изрядно надоесть шутки о том, что бессовестный дракон тащит к себе в логово очередную красотку.

- Бруно, смотрю опять без сапог.

Сапог действительно нет.

Видимо, их остатки слетели во время полета. Они постоянно слетают, чтобы не делай.

Хотя... не важно... то что он них осталось после того, как я, вытаскивая паренька из кабины, их разорвал сапогами и назвать было нельзя...

- Ещё немного и правда подумаю о том, чтобы ходить босым.

- Ты это говорил в прошлый раз.

- Говорил?

- Точно. И в тот раз, что был до того. Ты всегда так говоришь.

- В этот раз и правда подумаю.

- А почему ты не хочешь босиком, как все, ходить? Я вот хожу.

И тут же, желая продемонстрировать свои босые пятки, едва не свалилась с моего плеча.

Если я не изменил наклон корпуса и не поддержал её – точно бы упала.

Повезло ей, что реакция и чувство баланса у меня теперь куда лучше, чем у людей.

- Боюсь, как бы кто такое не удумал сотворить со мной. – быстрым движением пальцем я пощекотал Розе её нагую ножку.

В этот раз избежать падение оказалось сложнее.

Роза даже ухватилась за моё крыло.

- Che fai, birbante! – своё восклицание Роза подкрепила лёгким ударом по голове. – А если б я свалилась?

- Я б вернул тебя в грот и взял с собой Линду. Не хватало чтобы я, благородный дракон, проводил ночь с падшей женщиной.

- Девушкой. – не без гордости уточнила Роза.

- Девушкой? – чтобы показать своё удивление я специально остановился.

- Девушкой! Глупый ты дракон. – в этот раз удар по голове оказался куда ощутимее. – Думаешь, так легко найти себе парня, если весь остров видит, как ночь-через-ночь ты таскаешь меня в своё логово?

- Я отказываюсь пользоваться твоими услугами при свидетелях. – эту фразу я произнёс как можно громче, чтобы прохожие точно услышали.

- Не называй это так. – она вновь ударила меня по голове.

- Как хочу, так и называю. Если что не нравится – можешь начать звать не помощь.

Звать на помощь Роза не стала.

Звать на помощь было бесполезно.

Чтобы попасть в La Culla del Drago, Колыбель Дракона, пришлось взять Розу на руки.

Когда-то это была просто известковая пещера, колодец, но море взяло своё и часть породы обвалилась, образовав уютную бухту, или калетту, как её называли венделорцы. Уютную, хорошо защищённую от ветра и непогоды. Что особенно важно – недоступную для людей: с моря войти было практически невозможно слишком узкий проход, слишком много кораллов, а сверху... чтобы спускаться сверху нужно было быть драконом.

У меня тут было скромно.

Большой штабной шатёр, хайльбергский, – простое по форме сооружение, больше похожее на коробку с двускатной крышей. Не смотря на название – для меня об был маловат. Да и не для себя я его ставил – для девушек, что периодически таскал к себе.

Стол. Стулья, на любой вкус, - для всё тех же девушек. Табурет – для меня (умаявшись искать такой стул, чтобы спинка не мешала крыльям, я решил, что табурет будет идеальным решением).

Ящики, накрытые тентом, - для всякого нужного. Туда, пока Роза раскладывала на столе еду, я спрятал запасные патроны, собирался закинуть и поясную сумку, а потом найти место и для винтовки, но остановился.

- Роза, я тебе показывал свою покупку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.